

АВГУСТ

1914

ДИПЛОМАТИЯ РОССИИ

ОПЫТ
ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ
ВОЙНЫ

СТАНИСЛАВ
ЧЕРНЯВСКИЙ

Август 1914. Все о Первой мировой

Станислав Чернявский

**Дипломатия России. Опыт
Первой мировой войны**

«Алисторус»

2016

УДК 94(47).084
ББК 63.3

Чернявский С. Н.

Дипломатия России. Опыт Первой мировой войны /
С. Н. Чернявский — «Алисторус», 2016 — (Август 1914. Все о
Первой мировой)

ISBN 978-5-906842-52-7

В книге дается развернутый анализ гуманитарной деятельности МИД России в годы Первой мировой войны по возвращению на Родину и оказанию помощи соотечественникам, депортированным из воюющих стран Европы, а также задержанным в них гражданским лицам призывного возраста и военнопленным. Этот опыт приобретает особую актуальность сегодня, когда противодействие международному терроризму требует четкой, профессиональной защиты соотечественников. Вводятся в научный оборот малоизвестные факты из истории российской дипломатии по материалам закрытых до последнего времени Государственных архивов России, а также информационно-справочных публикаций МИД РФ для внутреннего пользования.

УДК 94(47).084
ББК 63.3

ISBN 978-5-906842-52-7

© Чернявский С. Н., 2016
© Алисторус, 2016

Содержание

К читателю	5
Глава 1	12
Глава 2	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Станислав Чернявский

Дипломатия России. Опыт Первой мировой войны

Первая задача историка – воздержаться от лжи, вторая – не утаивать правды, третья – не давать никакого повода заподозрить себя в пристрастии или в предвзятой враждебности.

Цицерон

К читателю

Эта книга о нелегком труде российских дипломатов в условиях вооруженного конфликта всемирного масштаба. Привычка видеть героев с оружием в руках мешает взглянуть объективно на рядовую работу тех, кто обеспечивает победу другими средствами. А ведь дипломаты, как и пограничники, сразу же выдвигаются на линию огня. Они и их семьи, как правило, становятся первыми невинными жертвами любого обострения ситуации в стране пребывания. Судьба многих дипломатов, оказавшихся в силу разных обстоятельств в руках неприятеля, заканчивается трагически. Особенно обидно, когда это происходит на территории бывших советских республик или «братских социалистических» государств, в которых лозунги «с Советским Союзом на вечные времена!» давно сгнили на свалке.

К сожалению, далеко не все политические лидеры, поставленные у власти волей народов (или по роковому стечению обстоятельств) склонны делать правильные выводы из трагических событий истории. Потому-то они и заводят многие конфликты в тупик, создавая обстановку, чреватую мировым пожаром. Летом 2014 г. в России часто вспоминали события столетней давности – начало Первой мировой войны, причиной которой формально послужил террористический акт против австрийского эрцгерцога Фердинанда 28 июня 1914 г. Вспоминали с опасением, что аналогичная ситуация может произойти и в наши дни.

Первая мировая война явилась результатом длительного накопления противоречий между ведущими мировыми державами. Во всех странах усилились шовинистические настроения. Общественность, привыкшая за несколько лет постоянных кризисов к балансированию на грани катастрофы, не теряла надежды, что в последний момент кто-нибудь одумается и отступит. Правительства и дипломатические ведомства уверяли в неизбежности компромисса без потери престижа. Для России эта задача в тот период оказалась непосильной.

Выступая 1 августа 2014 г. на церемонии открытия памятника героям Первой мировой войны в Москве, президент Российской Федерации В.В. Путин напомнил, что «на протяжении многих веков Россия выступала за крепкие и доверительные отношения между государствами. Так было и накануне Первой мировой, когда Россия сделала всё, чтобы убедить Европу мирно, бескровно решить конфликт между Сербией и Австро-Венгрией. Но Россия не была услышана, и ей пришлось ответить на вызов, защищая братский славянский народ, ограждая себя, своих граждан от внешней угрозы»¹.

В ходе кризиса механизм принятия важных внешнеполитических решений в России очередной раз продемонстрировал свои, свойственные ему изъяны – недемократичность, слабую коллегиальность, склонность к колебаниям, возросшее влияние на политику военной верхушки.

С первых же дней Великой войны – как ее до сих пор называют в Европе – перед внешнеполитическим ведомством Российской империи встала задача оказания срочной практической помощи значительной массе соотечественников, застигнутых войной за рубежом.

Российские подданные, оказавшиеся жарким летом 1914 г. в Германии, Австро-Венгрии и других европейских странах без денег, а многие и без документов, ждали поддержки только от российских дипломатов. С первых же дней войны министерство занялось сбором и анализом сведений об их положении, организацией перевода им денежных средств, добивалось улучшения условий их жизни путем заключения через посредников соответствующих соглашений с неприятельскими властями. По самым большим вопросам – таким, как помощь военнопленным – дипломатам приходилось преодолевать серьезные препятствия внутри страны, поскольку военную верхушку не интересовала судьба «отработанного материала». Между тем военнопленные нуждались в срочной профессиональной защите.

Все эти проблемы пришлось решать российскому Министерству иностранных дел, действуя, как теперь говорят, «прямо с колес», в авральном режиме.

Работа над книгой продолжалась более десяти лет. Основой для нее послужили документы Архива внешней политики Российской империи², информационно-справочные публикации МИД России для внутреннего пользования³ из фондов Центральной научной библиотеки МИД.

Наибольший вклад в создание книги внесли материалы фондов АВПРИ № 133 «Канцелярия Министерства иностранных дел», № 159 «Департамент личного состава и хозяйственных дел» и № 134 «Архив «Война», в которых содержится уникальная информация о деятельности центральных и заграничных учреждений МИД России в годы Первой мировой войны. Документы фондов № 138 «Секретный архив министра. 1858–1917», № 139 «2-я (газетная) экспедиция Канцелярии МИД России. 1814–1914», № 151 «Политический архив. 1838–1917», № 323 «Дипломатическая канцелярия при Ставке. 1914–1918» и № 340 «Коллекция документальных материалов из личных архивов чиновников МИД. 1743–1933» дают четкое представление о конкретных направлениях разносторонней деятельности МИД в рассматриваемый период, изменениях в структуре, вызванных потребностями военного времени, о каждодневной рабочей жизни внешнеполитического ведомства.

Подробная информация о деятельности заграничных учреждений МИД содержится в донесениях императорских российских посольств, миссий и консульств о деятельности этих учреждений по оказанию помощи и водворению в пределы России русских подданных, захваченных войной за границей, опубликованных в ведомственном журнале «Известия МИД» за 1915–1916 гг.⁴

Бесценным подарком для автора стал выход в свет в конце 2014 г. сборника документов «Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны»⁵, в котором впервые опубликованы малоизвестные исследователям документы АВПРИ: внутриведомственные справки, записки, отчеты, а также всеподданнейшие доклады министра императору об образовании и функционировании Дипломатической канцелярии при Ставке, Отдела денежных переводов и ссуд, Отдела о военнопленных, Особого политического отдела, Отдела печати и осведомления, Кабинета министра. Значительное внимание в сборнике уделяется переписке МИД с военным и другими ведомствами, Российским обществом Красного Креста (РОКК), а также различными благотворительными обществами помощи военнопленным.

В работе над монографией широко использовались так наз. «цветные книги» – сборники дипломатических документов, изданные в 1914–1916 гг. в Петрограде⁶.

Разумеется, с позиций сегодняшнего дня нам трудно дать однозначную оценку работе, проделанной российскими дипломатами 100 лет назад – были успехи, были и серьезные

неудачи. Ясно лишь одно – определенный опыт по эвакуации соотечественников в условиях военного времени им удалось накопить. К сожалению, в канун

Великой Отечественной войны и после нее этот опыт не был востребован. Найденных на оккупированных территориях соотечественников грузили в «телячьи» вагоны и тысячами направляли в концлагеря.

Наша цель – рассказать о гуманитарной миссии российской дипломатии, нестандартных подходах со стороны дипслужбы по предоставлению дипломатической опеки соотечественникам, их физической защите, распределении материальной помощи и организации массовой эвакуации на родину. К сожалению, вопросы защиты соотечественников за рубежом не потеряли своей актуальности и все чаще становятся объектом практической деятельности современных дипломатов.

Сергей Дмитриевич Сазонов (29 июля 1860, Рязанская губерния – 24 декабря 1927, Ницца) – министр иностранных дел Российской империи в 1910–1916 гг. 12 января 1917 г. назначен послом в Великобританию, но в связи с Февральской революцией к месту службы выехать не успел. Активный участник Белого движения. В 1918 г. входил в состав Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России А.И. Деникине. В 1919 г. – министр иностранных дел Всероссийского правительства А.В. Колчака и А.И. Деникина

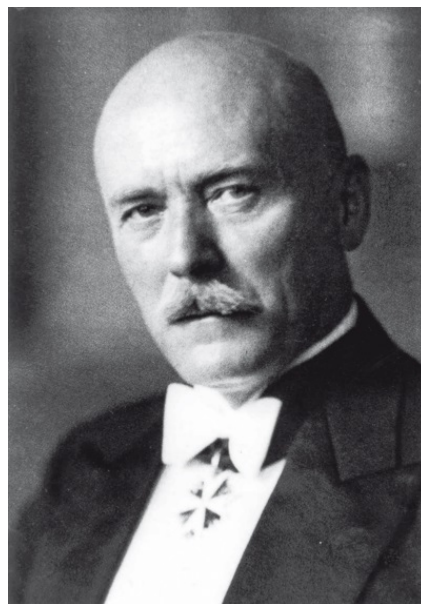
Сергей Андреевич Котляревский (23 июля 1873, Московская губерния – 15 апреля 1939) – известный русский историк и правовед. Много печатался в «Русских ведомостях» по вопросам внутренней и внешней политики, по национальным вопросам. 17 апреля 1938 арестован по обвинению «в принадлежности к террористической организации и вредительской деятельности». 14 апреля 1939 приговорён Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу по обвинению в шпионаже и участии в контрреволюционной организации. Реабилитирован 18 ноября 1992 по заключению Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Александр Сергеевич Суворин (1834–1912, Царское Село) – русский журналист, издатель, коммерсант, предприниматель, театральный критик, драматург. Он относится к русским самородкам, сумевшим совершить головокружительную карьеру и встать в ряд крупнейших общественных деятелей России

Граф Фридрих фон Пурталес (нем. Friedrich von Pourtalès; 24 октября 1853 – 3 мая 1928) – германский посол в России в 1907–1914 гг.; советник министерства иностранных дел в 1914–1918 гг.

Фридрих-Вернер Эрдманн Маттиас Иоганн Бернгард Эрих, граф фон дер Шуленбург (нем. Friedrich-Werner Erdmann Matthias Johann Bernhard Erich Graf von der Schulenburg; 20 ноября 1875 – 10 ноября 1944) – немецкий дипломат, посол Германии в НССР (1934–1941). Участник заговора 20 июля против Адольфа Гитлера. Арестован и 10 ноября 1944 года казнен через повешение

Великая княжна Татьяна Николаевна Романова (29 мая 1897, Петергоф – 17 июля 1918, Екатеринбург) – почетный председатель Комитета для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий. «Татьянинский комитет» создан в 1914 г. через три месяца после начала I Мировой войны для координации работы с хлынувшими в столицу беженцами из захваченных противником областей Польши, Прибалтики и Белоруссии. Вел. кнж. Татьяна Николаевна, которой накануне исполнилось 17 лет, лично участвовала в учреждении, а затем и в управлении деятельностью Комитета

Сэр Джордж Уильям Бьюкенен (англ. George William Buchanan; 25 ноября 1854, Копенгаген – 20 декабря 1924, Лондон) – посол Великобритании в России в годы Первой мировой войны. 25 декабря 1917 г. Бьюкенен выехал в Соединённое Королевство, где стал одним из самых активных сторонников иностранной военной интервенции в России

Барон Михаил Александрович фон Таубе (15 мая 1869, Павловск – 29 ноября 1961, Париж) – российский юрист-международник. В 1892–1917 гг. сотрудник МИД, работал в юрисконсультской части министерства под руководством Ф.Ф. Мартенса. С 18 ноября 1909 г. был представителем России в Постоянной палате Международного третейского суда в Гааге. В 1914 г., за несколько недель до начала Первой мировой войны, убедил правительство России изъять из германских банков все хранившееся там российское золото. С 1917 г. в эмиграции

Мобилизация.

Молебен перед выступлением в поход

Глава 1

Министерство иностранных дел России в канун великой войны

После русско-японской войны и революции 1905 г. ослабленная Россия вносила коррективы в свою внешнюю политику, приспосабливаясь к новому соотношению сил на мировой арене. Приходилось учитывать и внутrigосударственные сдвиги.

В международных кризисах, предшествовавших Первой мировой войне, Россия длительное время придерживалась сдержанной, примирительной позиции, стремясь балансировать на противоречиях между великими державами и не обострять ни с кем отношений.

Разработкой внешнеполитической программы и ее реализацией занималось Министерство иностранных дел. Все важные внешнеполитические вопросы решались непосредственно императором и министром иностранных дел. Министр, как более подготовленный и имеющий специальный аппарат в лице МИД, предлагал алгоритмы решений, с которыми Николай II большей частью соглашался.

Несмотря на неплохие рабочие отношения, сложившиеся у министра А.П. Извольского с императором, он отзывался о нем весьма критично. Разумеется, эти оценки содержались лишь в мемуарах, вышедших уже после революции.

«К несчастью, его природный ум, – писал Извольский о царе, – был ограничен отсутствием достаточного образования. До сих пор я не могу понять, как наследник, предназначенный самой судьбой для управления одной из величайших империй мира, мог оказаться до такой степени неподготовленным к выполнению обязанностей величайшей трудности.

Образование Николая II не превосходило уровня образования кавалерийского поручика одного из полков императорской гвардии, офицеры которой принадлежали к «золотой молодежи» и обращали больше внимания на спорт и умение держать себя в обществе, чем на изучение специальных дисциплин, даже тех, которые полезны для военной карьеры»⁷.

В некоторых, особо сложных случаях по указанию царя или с его разрешения вопрос передавался на коллективное обсуждение представителей заинтересованных ведомств (чаще всего Министерства финансов, а также Военного и Морского министерств). Эти Особые (межведомственные) совещания формулировали свои предложения, с которыми царь в итоге мог и не считаться.

Представительные учреждения России – Государственная дума и Государственный совет – не имели внешнеполитических функций. К их компетенции относилось лишь обсуждение и утверждение ежегодных ассигнований на деятельность министерства. В обсуждении принимал участие министр или его первый заместитель, которым приходилось выслушивать в свой адрес немало критических замечаний.

Внешнеполитический механизм России страдал существенными недостатками, связанными с общей отсталостью самодержавного режима. Роль императора и министра иностранных дел была гипертрофирована. Чрезмерная централизация осуществлялась в ущерб координации и коллегиальности. Постоянный властный орган согласования действий соприкасавшихся с внешней политикой министерств отсутствовал. Аналитические центры Военного и Морского министерств (генеральные штабы) функционировали без тесной связи между собой и МИД⁸.

Как отмечал известный русский историк и правовед Сергей Андреевич Котляревский, «русские Основные Законы не предоставляют Государственной думе и Государственному совету никакого непосредственного воздействия на иностранную политику. Министр иностранных дел может никогда не появляться в стенах Таврического и Мариинского дворца, ему

не нужно отвечать на обращаемые к нему вопросы. Заключение международных договоров точно также совершенно изъято из ведения законодательных учреждений»⁹.

Важную роль в определении внешнеполитического курса традиционно играл личностный фактор. Помимо царя и министра иностранных дел, в разработке и реализации стратегических решений активно участвовали высокопоставленные дипломаты, особенно представители России при великих державах. Многие из них, наряду с мидовскими рангами, имели соответствующие титулы и звания императорского двора (камергер, гофмейстер и т. п.).

Отношение российского общества к Министерству иностранных дел в предвоенный период было в целом негативным. Либералами оно рассматривалось как закостеневший оплот самодержавия, неспособный гибко реагировать на происходящие в мире и внутри России изменения. В качестве примера для подражания приводились иностранные ведомства Франции и Великобритании, находившиеся под тесным парламентским контролем.

Особой критике подвергалось неэффективное участие МИД во внешнеэкономической деятельности, опиравшееся главным образом на консульские представительства за рубежом, а также кадровая политика в целом.

Начиная с 1817 г., при загранучреждениях МИД учредили должности «агентов по мануфактурной части» Министерства финансов, курировавшего до 1905 г. внешнюю торговлю¹⁰. Создание независимого загранаппарата Минфина на практике привело к дублированию усилий, а также обострению взаимоотношений между упомянутым ведомством и МИД. В предвоенный период в рамках совершенствования внешнеэкономической работы консульские учреждения МИД получили еще одного «хозяина» в лице созданного в 1905 г. Министерства торговли и промышленности¹¹.

Депутаты Государственной думы, политические деятели разных направлений, юристы-международники выступали с резкой критикой в адрес МИД, настаивая на необходимости коренных реформ как в определении стратегического курса российской дипломатии, так и в конкретных вопросах подбора кадров. В подготовленном ведущими российскими экспертами сборнике статей «Русская внешняя политика и национальные задачи» давалась следующая оценка деятельности МИД:

«Над русской внешней политикой издавна тяготеет обвинение в отсутствии определенного и яркого понимания национальных задач. Нашей дипломатии приписывается тот салонно-бюрократический пошиб, который отрывает ее от подлинных и органических потребностей народного самосохранения и народного роста. Деятельность этой дипломатии долгое время была отравлена особым ведомственным сепаратизмом и разменивалась на мелкую игру чиновных самолюбий. Происходит растрата народных средств и сил на предприятия, по существу чуждые кровным русским интересам. «Здоровый эгоизм» сменяется нездоровой готовностью служить чужому благополучию»¹².

Немало масла в огонь подливала оппозиционная и весьма влиятельная газета «Новое время», издававшаяся Алексеем Сергеевичем Сувориным. Из номера в номер она публиковала резко негативные статьи о работе МИД. Так, в номере от 19 февраля 1909 г. давалась следующая характеристика работе министерства:

«Много говорилось о несовершенстве нашей дипломатической службы, преклонном возрасте наших послов, отсутствии согласованности действий наших представителей, полной деморализации остального состава наших чиновников Министерства иностранных дел за границей. Для того чтобы поставить нашу дипломатию на уровень с европейской, необходима ее коренная ломка. Но никакая реформа, ни даже мелкое преобразование в заграничном представительстве не достигнут своей цели, пока не будет проведена чистка центрального ведомства.

Управление делами министерства сосредоточено в руках чиновников, никогда не служивших за границей и устраивавших свою подчас весьма блестящую карьеру на личных отно-

шениях и слабостях начальства. Сознание своего умственного убожества заставляет их напрягать все усилия к одной цели: не допустить к делам управления свежих и способных людей»¹³.

Подобные оценки работы министерства публиковались и в других органах российской печати. Практиковались и попытки создать портрет «типичного русского дипломата». Сегодня трудно сказать, насколько эти «зарисовки» соответствовали действительности, но озлобленной критики в них немало.

«Всем, побывавшим за границей, хорошо знаком портрет русско-европейского дипломата», – писала газета «Новое время» 25 апреля 1909 г. «Это – весьма приличный господин со связями в Петербурге. Он хорошо одет, довольно хорошо говорит по-французски, не всегда хорошо по-русски, малообразован, часто прямо невежествен, но весьма высокого мнения и о себе лично, и о том мелком вздоре («дипломатическая тайна»), которым он старается возможно меньше заниматься в своей посольской канцелярии. Дипломат ведет светскую жизнь, отлично знает местное «общество», мнит себя на дружеской ноге с чиновничьей знатью. К знати весьма подобоострастен, с остальными соотечественниками, а обыкновенно и с сослуживцами по консульской части, принципиально не вежлив, ибо презирует в них людей «другого круга» и ненавидит их как свидетелей своего безделья. Чувствует себя истинным европейцем и космополитом. Русской жизни прошлой и настоящей не знает, не понимает, да и знать не хочет»¹⁴.

Проживавший в Женеве известный русский революционер-шестидесятник Михаил Константинович Элпидин¹⁵ давал такую характеристику российским дипломатам за границей: «Посольские секретари, эти дипломаты в зародыше, представляют собой большей частью совершенно особый коллективный тип, к сожалению, еще не разработанный и дожидющийся для изображения своего Салтыкова-Щедрина. Обыкновенно это цвет нашей аристократии, молодые люди безукоризненно приличной внешности и с печатью величайшей серьезности, заставляющей относиться к ним с почтением как к участникам в устроении судеб человечества. Хотя сдержанный и важный вид их много имеет сходства с важностью тех сторожей, которые, состоя при лабораториях и физиологических институтах, заведуют мытьем загрязненных склянок и инструментов, помогают при опытах над животными. Также как эти сторожа, посольские секретари любят уснащать свою речь исковерканными учеными словами. Их жаргон пересыпан разными терминами и выражениями, ходячими в дипломатии, хотя сами они сплошь и рядом неясно понимают смысл, скрываемый в этих выражениях. Их же собственный внутренний смысл весьма не обширен, и за внешним лоском зачастую скрывается скудное содержание и умственное убожество»¹⁶.

А вот характеристика одного из высших должностных лиц царской дипломатии – русского посла в Великобритании графа Александра Константиновича Бенкендорфа.

Пишет его коллега и непосредственный подчиненный К.Д. Набоков: «Среди русских дипломатов старой школы он занимал одно из первых мест. Владея в совершенстве французским, немецким и итальянским языками, он говорил довольно свободно по-английски. Он находил «общий язык» не только с английскими министрами, но и с послами Великих Держав. К сожалению, русский язык он знал недостаточно, а потому на соотечественников производил впечатление иностранца. На самого предубежденного слушателя он производил впечатление мудреца. Но как только брался за перо (писал он всегда по-французски) – так в большинстве случаев его яркость и проникновенность мысли куда-то улетучивались. Телеграммы и политические письма его редактированы были то изысканно, длинными, запутанными периодами, то отрывочными фразами – так что подчас трудно было уловить их мысль»¹⁷.

Одним из серьезных поводов для критики кадрового состава МИД было засилье в нем иностранцев, в первую очередь прибалтийских немцев. Их обвиняли не только в отсутствии патриотизма, но даже в неспособности грамотно излагать свои мысли по-русски.

«Посол в Лондоне граф Бенкендорф, как и другие остзейцы, например, барон Будберг, барон Стааль фон Гольштейн и многие другие, выполнял свои обязанности под особым углом зрения, – отмечает царский посланник России в Испании Ю.Я. Соловьев. – Остзейцы считали себя не столько на русской службе, сколько на личной службе у династии Романовых, которую порой они называли полным русско-немецким именем: Романовы-Гольштейн-Готторпские. В мирное время это очень облегчало им службу по Министерству иностранных дел. Они лояльно служили династии, не задаваясь никакими вопросами, от которых русские не могли отрешиться. В то время как для остзейцев центром была, конечно, династия, для русских на первом месте стояла Россия. Мне пришлось слышать от одного из своих начальников-остзейцев весьма удобное толкование обязанностей дипломата. По его словам, каждое дипломатическое представительство за границей было попросту «почтовым ящиком». То, что нам предписывал Петербург, мы должны были добросовестно передавать местному правительству. Конечно, при всех достоинствах остзейских дипломатов это лишало их, за редкими исключениями, как например барон Розен, инициативы в дипломатической деятельности. Нечего говорить, что такое отношение к делу не может быть идеалом для дипломата»¹⁸.

С подобными критическими оценками личностей царских дипломатов согласны, разумеется, далеко не все. Так, современный российский исследователь Б.Н. Григорьев придерживается противоположной точки зрения: «Внешний лоск, светские безупречные манеры – это лишь видимая сторона дипломатической работы. Настоящий дипломат – великолепный знаток страны пребывания, ее языка, политического и экономического устройства, культуры, традиций и социального уклада. Он хорошо разбирается в международной политике, международном праве, он основательно и во всех аспектах изучил страну своего пребывания и достойно представляет свою страну, свой народ и свою культуру. Жизнь рядового дипломата в царской России складывалась не только из приемов и приятных встреч; чаще всего она предполагала ежедневный кропотливый труд и серые будни. Недаром в царские времена профессия дипломата, особенно во второй половине XIX века, считалась не такой уж престижной. Зажиточная аристократия, за редким исключением, шла в дипломатию весьма неохотно, и дипломатическую карьеру избирали в основном обедневшие дворяне да лица иностранного происхождения. К тому же длительное пребывание за границей для русского человека было всегда тягостно»¹⁹.

Справедливости ради следует отметить, что сотрудники МИД в целом отличались высоким профессионализмом и дисциплинированностью, ответственным отношением к делу. В известной степени этому способствовали «семейственность» или, как теперь говорят, «корпоративность» дипломатической службы. По свидетельству заведующего Юридическим отделом МИД Георгия Николаевича Михайловского²⁰, «условия службы, требовавшие доверительности и близкого личного знакомства, делали из всего министерства одно большое посольство; это все были люди одного и того же круга, многие служили в этом ведомстве по наследству»²¹.

Модернизация структуры МИД началась после назначения в мае 1906 г. министром Александра Петровича Извольского.

Для подготовки к реорганизации ведомства в 1907 г. создали специальную комиссию, разработавшую соответствующий проект, который в последующем в течение нескольких лет дополнялся и уточнялся. Судьба его складывалась не просто – в марте 1910 г. проект внесли в Государственную думу, но произошла смена руководства. 14 (27) сентября 1910 г. А.П. Извольского назначили послом в Париж. Пост министра иностранных дел 8 (21) ноября 1910 г. получил Сергей Дмитриевич Сазонов. По этой причине работа над документом затянулась, и лишь 24 июня (7 июля) 1914 г. после одобрения Государственным советом и Государственной думой законопроект о новом «Учреждении МИД» и штате центрального аппарата министерства получил утверждение Николая II.

Новое Положение о МИДе и штатное расписание ввели в действие с 1 (14) июля 1914 г. Хотя далеко не все проекты Комиссии по реорганизации ведомства воплотились в жизнь, позитивные изменения в его работе были очевидны. Полномочия и сфера деятельности структурных частей аппарата стали более четкими, что позволило свести до минимума параллелизм, повысив в целом эффективность деятельности центрального аппарата.

Согласно принятому документу, в компетенцию министерства входили:

- политические сношения с иностранными правительствами;
- анализ внутривнутриполитической обстановки в иностранных государствах;
- защита русских экономических интересов и содействие по государственной линии расширению торгово-промышленных связей;
- забота о достойном положении православия за границей и об укреплении русского влияния на почве церковных интересов;
- защита и всесторонняя поддержка русских подданных;
- оказание содействия в решении законных требований иностранцев по их делам в России²².

Функциям и структуре Центрального аппарата полностью посвящена вторая глава «Учреждения». В ней указано, что важнейшим управленческим звеном является Совет министерства (коллегия) под председательством министра. В него входят оба заместителя министра, директора департаментов, а также Государственного и Санкт-Петербургского главного архивов, советники Политических отделов и управляющий Юрисконсультской частью министерства. Прерогативы и полномочия Совета министерства четко не определялись, указывалось лишь, что он «рассматривает дела, которые министр считает необходимым предложить на его обсуждение».

Центральный аппарат МИД получил в итоге преобразований следующую территориально-функциональную структуру:

Первый департамент (кадры, финансы, административные вопросы, церкви при учреждениях за рубежом);

Второй департамент (вопросы международного публичного и частного права, торгово-экономические вопросы, нотариат и дела, не входящие в компетенцию политических отделов);

Первый политический отдел (отношения с государствами Западной Европы, Америки и Африки, кроме Абиссинии и Египта, и Ватиканом). Канцелярия первого политического отдела являлась одновременно канцелярией министра. При отделе находились также шифровальное отделение и типография министерства;

Второй политический отдел (отношения с ближневосточными государствами, к которым в то время относились Албания, Болгария, Греция, Румыния, Сербия, Турция, Черногория, Абиссиния и Египет, а также церковные дела на Ближнем Востоке;

Третий (среднеазиатский) политический отдел (отношения с Персией, среднеазиатскими государствами. Индией и Цейлоном);

Четвертый (дальневосточный) политический отдел (отношения с Монголией, Китаем, Японией, Сиамом и «побережьями Тихого океана»);

отдел печати и юрисконсультская часть;

учебное отделение восточных языков при политических отделах, готовящее драгоманов для посольств и миссий на Востоке;

Государственный и Санкт-Петербургский главный архив, Московский главный архив.

Штаты центрального аппарата МИД составляли 470 человек.

Что касается заграничного аппарата, то к началу Первой мировой войны Россия имела за рубежом 9 посольств (в Берлине, Вашингтоне, Вене, Лондоне, Париже, Константинополе, Мадриде, Риме, Токио), 24 миссии, включая диппредставительства, 36 генеральных консульств, 84

консульства и 34 вице-консульств. На 1914 г. штаты загранучреждений составляли 431 человек.

В итоге структурные изменения Центрального аппарата МИД оказались не столь значительными, как предполагалось на этапе проработки проекта ведомственной реорганизации, а штаты загранучреждений и вовсе остались прежними.

В «Учреждении МИД» 1914 г. зафиксирован порядок приема на службу и назначения на должности разного уровня в центральном аппарате и зарубежных представительствах. Для поступления требовалось выдержать испытания по утвержденной министром программе. Вступительный экзамен принимала назначенная министром комиссия, собирающаяся в установленные им сроки. От экзамена освобождались только лица административно-технического состава (смотрители зданий, врачи, смотрители литографии МИД, регистраторы).

Прием на работу проходил на конкурсной основе, кандидат сдавал экзамен по русскому и французскому языкам, русскому государственному праву, политической географии и истории, а также началам международного права. Сдача экзаменов давала право стать кандидатом для занятия штатной должности в министерстве.

Для дальнейшего продвижения по службе и занятия дипломатической должности в центральном аппарате и учреждениях за рубежом требовалось сдать «дипломатический экзамен», к которому допускались кандидаты не старше 27 лет, имеющие высшее образование и прослужившие в системе МИД не менее двух лет. Дипломатический экзамен включал следующие дисциплины: русский и французский язык (умение свободно изъясняться, правильно и ясно письменно излагать свои мысли на обоих языках), международное и морское право, история международных договоров (особенно тех, в которых участвовала Россия), начала политической экономии, консульское право, всеобщая статистика.

В отношении дипломатических сотрудников в дореволюционном Министерстве иностранных дел действовала общая для всех государственных служащих система чинов, которые присваивались по мере прохождения ими службы. В основу этой системы была положена так называемая «Табель о рангах» – законодательный акт Петра I от 1722 г., действовавший с незначительными изменениями вплоть до конца 1917 г.²³

Согласно этому акту все должности на государственной службе, а также в армии и военно-морском флоте подразделялись на 14 рангов (классов). Акт регламентировал порядок поступления на службу, продвижения по ней, выплаты жалования, предоставления льгот и привилегий. Для гражданских чинов срок службы с XIV по VIII класс устанавливался по 3 года в каждом классе, с VII по V класс – по 4 года, а с IV по I класс – по личному распоряжению императора. Лица, занимавшие чины с XIV по X класс, получали звание «почетных граждан», с IX класса возводились в статус «личного», а с IV класса – «потомственного» дворянства.

В соответствии с «Табелью о рангах» Петра I иерархия чинов в аппарате МИД и его загранучреждениях по состоянию на 1914 г. определялась следующим образом:

Класс	Табель о рангах	МИД и загранучреждения
I	Канцлер	—
II	Действительный тайный советник	Министр, посол
III	Тайный советник	Товарищ министра, посланник
IV	Действительный статский советник	Непременный член Совета министерства, чиновник для особых поручений IV класса при министре, директор департамента, советник (заведующий) политического отдела, управляющий юрисконсультской частью, директор Государственного и Санкт-Петербургского Главного архива, директор Московского Главного архива, советник посольства, министр-резидент, дипломат и генеральный консул в Египте, генеральный консул в Монголии, Кап-кутте, Сеуле, Сиаме, первый драгоман посольства в Константинополе
V	Статский советник	Чиновник для особых поручений V класса при министре, вице-директор департамента, делопроизводитель V класса, старший секретарь политического отдела, переводчик политического отдела V класса, управляющий отделом печати, первый секретарь посольства (миссии), первый драгоман миссии в Пекине, генеральный консул
VI	Коллежский советник	Чиновник для особых поручений VI класса при министре, делопроизводитель департамента VI класса
VII	Надворный советник	Делопроизводитель департамента VII класса, секретарь политического отдела VII класса, переводчик политического отдела VII класса, второй секретарь посольства, вице-консул, драгоман генерального консульства в Сеуле
VIII	Коллежский асессор	Делопроизводитель департамента VIII класса, секретарь политического отдела VIII класса, второй секретарь посольства в Вашингтоне и миссии в Берне, Афинах и Брюсселе, драгоман ряда миссий и генконсульств на Востоке
IX	Титулярный советник	Секретарь консульства, студент посольства в Токио, миссии в Пекине

Класс	Табель о рангах	МИД и загранучреждения
X	Коллежский секретарь	Кандидат для занятия штатной должности департамента (политического отдела), секретарь консульства, студенты посольства в Константинополе, миссии в Тегеране и Пекине
XI	Корабельный секретарь	—
XII	Губернский секретарь	—
XIII	Провинциальный секретарь	—
XIV	Коллежский регистратор	—

В новое «Учреждение» впервые включили пункт о том, что «штатные должности в посольствах и миссиях замещаются по преимуществу такими чиновниками, которые предварительно служили в консульских установлениях за границей»²⁴. Для мидовского аппарата это явилось своеобразной революцией. Разумеется, все понимали, что опыт консульской работы позволяет сотруднику быстрее разобраться в законодательстве страны пребывания. Кроме того, позитивно сказывается и опыт непосредственной работы с людьми, требующий большого терпения и выдержки, столь необходимых дипломату. Однако дальше декларативности дело не пошло. Между посольскими и консульскими работниками по-прежнему соблюдалась большая дистанция – посольские решали политические задачи, а консульские – технические. Дипломатов и консульских работников разделяла огромная пропасть. Образно говоря, как между «голубой кровью» и «черной костью». Объем и трудности повседневной работы в миссиях и посольствах нельзя было даже сравнивать с той, которая сваливалась на плечи консульских чиновников, а между тем материальное положение последних было намного хуже. И те, и другие формально считались дипломатами, но редко кто из «чистых» дипломатов соглашался пойти работать (или даже возглавить) в консульство. Еще реже были случаи перехода консулов на «чистую» дипломатическую работу²⁵.

К сожалению, мероприятия по реорганизации МИД коснулись только центрального аппарата. Структура загранучреждений, в первую очередь консульских, осталась без изменений. Направлявшиеся за рубеж в 1911–1914 гг. из Петербурга циркуляры касались лишь обычных, общих инструкций и технических вопросов – о помещениях и внутреннем распорядке кон-

сульских установлений, о приобретении посольствами и миссиями портретов государя императора и государыни императрицы и т. п.

Так, в инструкции от 9 января 1912 г. уточнялись обязанности и права консульских работников. В качестве основных задач ставились оказание содействия и покровительства российским торговле и мореплаванию за границей, осведомление «правительства и частных лиц, по их просьбам, о состоянии торговли и промышленности в их округах и о возможности открыть туда доступ русским произведениям».

В инструкции подчеркивалось, что «консул обязан изучать местные экономические, торговые и промышленные условия и принять меры к тому, чтобы быть постоянно осведомленным:

- 1) о фирмах его округа, занимающихся привозом товаров из России, или таких, которые могли бы их оттуда привозить;
- 2) о причинах, которые вызывают большой успех иностранных товаров на данном рынке перед русскими;
- 3) о возникающих в его округе новых производствах;
- 4) о путях сообщения и развитии их в его округе;
- 5) об улучшениях в портовых приспособлениях;
- 6) о развитии телеграфов и телефонов;
- 7) о состоянии сельского хозяйства, урожае хлебов и успехах смежных с сельским хозяйством производств;
- 8) о скотоводстве и вывозе и привозе скота».

Традиционные консульские функции – защита интересов российских подданных и нотаariat – отодвигались (по крайней мере, текстуально) на второй план.

Особо подчеркивалась «личная доступность консулов для лиц, обращающихся в консульства, и внимательное и участливое отношение к их просьбам». В инструкции напоминалось, что «По отношению к подчиненным им чинам консульств консулы суть не только начальники, имеющие право требовать правильного и усердного исполнения ими своих обязанностей, но и воспитатели более молодых своих товарищей в деле службы. На них лежит обязанность подготавливать будущее поколение консулов для служения государству и примером своего исполнения долга, своего отношения к работе и своей жизни поселать и развивать в них те качества, которые делают хорошего консула.

Ради сохранения достоинства своего, как представителя великой державы, консул обязан в своей общественной и частной жизни тщательно избегать поступков и образа действий, которые могли бы умалить уважение к его высокому званию и к личным его качествам. Он должен следить за тем, чтобы и подчиненные ему консульские чины не подрывали своими действиями и образом жизни достоинства консульства, в котором они имеют честь служить, и, если бы оказалось, что его указания в этом отношении не оказывают влияния на его подчиненных, доносить министерству об их неодобрительном поведении, представляя об отозвании их, в случае необходимости»²⁶.

Циркуляр 1911 г. о выборе помещений для консульских канцелярий не получил, к сожалению, финансового подкрепления, что особенно болезненно почувствовали на себе консульские работники, так и обращавшиеся к ним российские подданные в августе 1914 г. Зато указание от 8 января 1914 г. «О приобретении Посольствами и Миссиями портретов Государя Императора и Государыни Императрицы» были выполнены незамедлительно.

Весьма примечательно содержание этого циркуляра:

«В Департаменте Личного Состава и Хозяйственных Дел имеются указания на то, что в некоторых посольствах и миссиях наших нет совсем портретов благополучно Царствующего Государя Императора и Государыни Императрицы, а в других портреты эти не отвечают требованиям.

По мнению Министерства, в посольствах и миссиях, помещающихся в казенных домах, с большими парадными залами, должны находиться портреты Государя Императора во весь рост и натуральную величину, в прочих же – хорошие поясные портреты. Портреты Государыни Императрицы могут быть повсюду поясные. Рамы портретов должны быть хорошие, золоченые и украшены Императорской короной, скипетром и державой на подушке.

Озабочиваясь упорядочением этой важной стороны представительства наших посольств и миссий, Департамент Личного Состав и Хозяйственных Дел имеет честь покорнейше просить сообщить сведения о том, имеются ли в данном установлении отвечающие указанным требованиям портреты Их Императорских Величеств, а если таковых нет, то могут ли они быть приобретены за счет сумм, отпускаемых на содержание дома или канцелярии»²⁷.

Реорганизация МИД и последующая его деятельность в предвоенный период и в годы войны проходила под руководством Сергея Дмитриевича Сазонова.

Сазонов происходил из старинной провинциальной дворянской семьи. Он родился 29 июля (10 августа) 1860 г. в имении своих родителей в Рязанской губернии. Семья Сазоновых была по духу монархической и религиозной. В юности С.Д. Сазонов хотел избрать духовную карьеру, но окончание Александровского лицея открыло перед ним дипломатическое поприще, и в 1883 г. его приняли в канцелярию Министерства иностранных дел. Семь лет рутинной службы не принесли ему заметного продвижения. Шансы С.Д. Сазонова на карьеру возросли лишь в связи с браком с А.Б. Нейгардт – свояченицей будущего председателя Совета министров П.А. Столыпина²⁸.

В июне 1909 г. С.Д. Сазонов получил предложение занять пост товарища министра. В сентябре 1910 г., в связи с кончиной русского посла во Франции А.И. Нелидова, на этот пост назначили А.П. Извольского. Управление министерством перешло в руки С.Д. Сазонова.

Известный российский юрист-международник Михаил Александрович Таубе дает весьма нелестную характеристику Сазонову: «Он был весьма слабый министр, производивший после Извольского впечатление недоучившегося студента, влезшего на профессорскую кафедру. В роли министра его характеризовали, к сожалению, следующие черты: недостаток соответствующей деловой подготовки, как бывшего только секретарем и советником посольства в Лондоне, а затем министром-резидентом при Ватикане, весьма слабое представление обо всем развитии русской иностранной политики до XX века, случайность, непоследовательность, нервность в его собственных политических исканиях, крайнее англофильство и сентиментальная любовь к «братушкам», постоянная склонность принимать свои желания, иллюзии и фантазии за реальные факты»²⁹.

Политическое наследство, полученное новым министром от предшественника, было непростым. Положение России на границах с Германией и Австро-Венгрией представлялось неустойчивым и побуждало Петербург рассматривать эти державы как вероятных противников.

Наиболее взрывоопасно складывалась обстановка на Балканском полуострове. Усилия России предотвратить вооруженный конфликт оказались тщетными. В октябре 1912 г. началась Первая Балканская война Черногории, Болгарии, Сербии и Греции против Турции. Одним из ее результатов стало укрепление влияния Антанты (особенно России) на полуострове, но мир продлился недолго. В июне 1913 г. вспыхнула Вторая Балканская война Греции, Сербии, Черногории, Румынии и Турции против Болгарии.

При этом каждая из балканских стран стремилась втянуть в братоубийственную войну славян Россию. Как с горечью отмечал посол России в Японии Д.И. Абрикосов: «...различные славянские народы оказались достаточно умны, чтобы использовать русское покровительство для своих целей, и без колебаний втягивали Россию в войну, представлявшуюся им выгодной. Россия сражалась с Османской империей, чтобы освободить Сербию и Болгарию, но вме-

сто того, чтобы выразить свою благодарность, Сербия под управлением короля Милана отвернулась от России и стала заигрывать с Австрией. Болгарский князь Фердинанд, старый лис Европы, тоже ради взаимопонимания с Австрией пренебрег дружбой России. После смены династии Сербия опять потребовала у России защиты от Австрии, для чего в Санкт-Петербург был послан умный министр, который удачно использовал для этого идею славянофильства»³⁰.

В результате Второй Балканской войны разгромленная Болгария приняла условия противников и лишилась не только некоторых своих приобретений в предыдущей войне, но и части собственной территории. Хотя общий баланс обеих балканских войн оказался в пользу России и ее партнеров, тем не менее Балканы так и остались узлом острейших противоречий. Первый секретарь миссии в Белграде, исполнявший некоторое время обязанности поверенного в делах России в Сербии Василий Николаевич Штрэндман, в своих «Балканских воспоминаниях» подробно описывает непростой комплекс интриг, которые плелись в то время в Вене и Берлине³¹.

Как на это реагирует российский МИД? «С Балканского полуострова из всех наших миссий и консульств, а равно и из частных писем в Петербург, – отмечает М.А. Таубе, – приходят известия, что образовавшаяся там коалиция славянских государств подготавливает войну с ослабевшей Турцией: болгары стремятся захватить Адриано-польскую область, сербы – Северную Македонию, Черногория – Северную Албанию... Сазонов, справедливо полагая, что такой новый кризис в «восточном вопросе», очень перепутавший общеевропейские отношения, может привести их к серьезным осложнениям, решает использовать для умиротворения «братьев-славян» свой авторитет русского министра иностранных дел и отправляется в круговую поездку по Балканским странам. Возвращается он весьма довольным сам собою и объявляет в Совете министров, что опасность войны им там совершенно уничтожена...»³²

В обзоре международных событий, сделанным перед депутатами Государственной думы 10 мая 1914 г., министр попытался представить в позитивных тонах обострившуюся на Балканах обстановку. Так, он утверждал, что Россия вступила «в более спокойную пору и, хотя еще остается упорядочить многое, однако уже нет той напряженности, которая еще недавно вызывала серьезные заботы»³³.

Дав высокую оценку союзу с Францией и «дружбе» с Англией, Сазонов подчеркнул, что Россия продолжает «стремиться к поддержанию давнишних дружеских отношений с Германской империей». Тем не менее он отметил, что «за последнее время было несколько случаев, когда казалось, что эти отношения могут омрачиться, и, если удалось избежать нежелательных последствий подобных инцидентов, то лишь в силу именно упомянутой давнишней дружбы между Россией и Германией и стремлению их правительств и на будущее время сохранить таковую. В этом стремлении правительства, к сожалению, не всегда встречают должную поддержку со стороны печати по обеим сторонам границы. Поддержание тревожного состояния в обществе без достаточного на то основания неразумно, а может быть при известных обстоятельствах и опасно. Поэтому я не могу не высказать пожелания, чтобы печать как германская, так и русская, прекратила бесплодную полемику и более спокойно обсуждала вопросы, касающиеся взаимных наших отношений (в начале 1914 г. в прессе обеих держав вспыхнула ожесточенная полемика, достигшая к середине февраля такого накала, что получила название «газетной войны». – *Прим, автора*)».

Майская речь С.Д. Сазонова в Государственной думе, составленная в «обтекаемых», «успокаивающих» тонах, удивительно напоминает другой, гораздо более поздний документ из истории советско-германских отношений – Сообщение ТАСС 13 июня 1941 г., в котором излагалась позиция руководства СССР в отношении Германии. В нем, в частности, утверждалось, что «СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится

к войне с Германией, являются лживыми и провокационными», а также то, что, «по данным СССР, Германия неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерениях Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям»³⁴.

К сожалению, как «розовая» тональность майской речи 1914 г., так и «успокоительное» сообщение июня 1941 г. не соответствовали реальной действительности, а отражали лишь трагический просчет руководства императорской России и Советского Союза.

В июле 1914 г. разразился очередной балканский кризис. Вечером 15 (28) июля Австро-Венгрия объявила Сербии войну и сразу же приступила к боевым операциям. Германия солидаризировалась с союзницей и предупредила, что поддержит ее в случае выступления России.

18 (31) июля германский МИД обратился к российскому правительству с грозным предупреждением, в полночь на 19-е последовал немецкий ультиматум, а вечером 19 июля (1 августа) Германия объявила России войну.

В российских источниках подробно описано, как германский посол Фридрих Пурталес заплакал, вручая Д.С. Сазонову вечером 19 июля /1 августа 1914 г. ноту с объявлением войны. Интересно здесь и то, что ноту вручили в двух вариантах – на случай отказа России выполнить германские требования и на случай согласия с ними. Второй вариант давался в скобках и его забыли вычеркнуть при передаче ноты.

Ниже ее текст – в скобках курсивом то, что не было вычеркнуто: «Императорское Правительство старалось с начала кризиса привести его к мирному разрешению. Идя навстречу желанию, выраженному Его Величеством Императором Всероссийским, Его Величество Император Германский в согласии с Англией прилагал старания к осуществлению роли посредника между Венским и Петербургским Кабинетами, когда Россия, не дожидаясь их результата, приступила к мобилизации всей совокупности своих сухопутных и морских сил. Вследствие этой угрожающей меры, не вызванной никакими военными приготовлениями Германии, Германская Империя оказалась перед серьезной и непосредственной опасностью. Если бы Императорское Правительство не приняло мер к предотвращению этой опасности, оно подорвало бы безопасность и самое существование Германии. Германское Правительство поэтому нашло себя вынужденным обратиться к Правительству Его Величества Императора Всероссийского, настаивая на прекращении помянутых военных мер. Ввиду того, что Россия отказалась *(не нашла нужным ответить на)* удовлетворить это пожелание и выказала этим отказом *(принятым положением)*, что ее выступление направлено против Германии, я имею честь, по приказанию моего Правительства, сообщить Вашему Превосходительству нижеследующее: Его Величество Император мой Августейший Повелитель от имени Империи, принимая вызов, считает себя в состоянии войны с Россией»³⁵.

Анализируя поведение графа Ф. Пурталеса, столь эмоционально воспринявшего объявление войны России, и обстоятельства вручения германской ноты, можно провести параллель с аналогичными событиями в ночь с 21 на 22 июня 1941 г. Вот как их описывает автор биографической работы о Молотове В.В. Соколов:

«В субботу, 21 июня, в 9.30 В.М. Молотов неожиданно для немецкого посла, с которым не встречался длительное время, вызвал его к себе в Кремль и решительно заявил протест против возрастающих нарушений советской границы германскими самолетами. Он указал, что за последние два месяца имело место не менее двухсот случаев нарушения границы. Перейдя затем к общим вопросам советско-германских отношений, нарком впервые отметил, что за границей циркулируют слухи о готовящейся войне между Германией и Советским Союзом, что

германская сторона не опровергает этих слухов и даже не опубликовала сообщение ТАСС от 13 июня. Он просил посла объяснить ему причину ухудшения советско-германских отношений.

Ф. фон Шуленбург, который еще 5 мая пытался через находившегося в Москве советского посла в Берлине В.Г. Деканозова предостеречь советское руководство о надвигавшейся опасности, чувствовал себя очень неловко. Казалось, он сделал тогда со своей стороны все, что мог, не совершая предательства, однако его предостережение о том, что «слухи» следует рассматривать как «факт», не было принято тогда во внимание.

В 3 часа 30 минут 22 июня в Генштаб стали поступать сводки о бомбардировках советских городов Украины и Белоруссии.

Срочно были вызваны в Кремль члены политбюро, которые незадолго до этого разъехались. Молотову было предложено позвонить в германское посольство в Москве. Сталин еще не верил... Он даже допускал, что германские генералы действуют без санкции Гитлера. Но звонить не пришлось. Наркому доложили, что германский посол Ф. фон Шуленбург срочно просится на прием. Он был принят незамедлительно. Войдя в кабинет В.М. Молотова, посол сделал краткое заявление: концентрация советских войск у германской границы, по его словам, достигла таких размеров, каких уже не может терпеть германское правительство. Поэтому оно решило принять соответствующие контрмеры.

Слово «война» произнесено не было. Последовала глубокая пауза. Нарком, поборов внутреннее волнение, спросил: «Это что, объявление войны?» Ответа не последовало. Шуленбург лишь, подняв плечи, беспомощно махнул рукой»³⁶.

При сравнении этих двух эпизодов, связанных с «извещением» России об уже начавшихся против нее военных действиях, вспоминаются стихи Н.М. Карамзина:

Ничто не ново под луною:
Что есть, то было, будет век.
И прежде кровь лилась рекою,
И прежде плакал человек...

Вернемся, однако, в 1914 г.

В течение 19–24 июля кризис перерос практически в общеевропейское военное столкновение.

Выступая 26 июля 1914 г. в Государственной думе перед рукоплескавшими ему депутатами, Сазонов так объяснил причины войны:

«Раздираемая внутренними неурядицами, Австро-Венгрия решила выйти из них каким-нибудь смелым шагом, который создал бы впечатление ее силы, нанеся в то же время России унижение. Для этой цели была выбрана Сербия, с которой нас связывают узы истории, происхождения и веры. Вам известны условия, при которых Сербии был предъявлен ультиматум. Согласившись на него, Сербия стала бы вассалом Австрии. Было ясно, что для нас не вступиться в дело — значило бы не только отказаться от вековой роли России как защитницы балканских народов, но и признать, что воля Австрии и стоящей за ее спиной Германии для Европы есть закон. На это не могли согласиться ни мы, ни Франция, ни Англия. Не менее нас наши доблестные союзники прилагали свои усилия к укреплению мира в Европе. Наши враги ошиблись, приняв эти усилия за проявление слабости, и после вызова, брошенного Австрией, Россия не отвергла ни одной попытки, которая могла бы привести к мирному разрешению конфликта. В этом направлении были честно до конца исчерпаны все усилия наши и наших союзников».

«Неприятельские войска вступили на русскую землю, — сказал в завершении министр. — Мы боремся за нашу родину, мы боремся за свое достоинство и положение великой державы. Владычества Германии и ее союзницы в Европе мы допустить не можем»³⁷.

Судя по стенографическому отчету о заседании Государственной думы, речь Сазонова неоднократно прерывалась аплодисментами. В комментариях сказано – «Члены Государственной думы стоя приветствуют министра иностранных дел продолжительными и бурными рукоплесканиями; голоса: браво; голоса справа: молодчина, вот это здорово».

В первые месяцы войны Россию, как и другие воюющие страны, захлестнула война шовинизма. Депутат Государственной думы большевик А. Бадаев³⁸ вспоминал впоследствии: «По улицам Петербурга с утра до ночи шествовали манифестации. С портретами царя и трехцветными флагами дворники, полицейские и охранники вместе с обывателями всех рангов и мастей расхаживали по городу, пели «Боже, царя храни» и во все горло кричали «ура». Манифестации легко превращались в погромы. В Петербурге «патриоты» разгромили германское посольство, а в Москве погром принял более солидные размеры: был захвачен ряд немецких торговых и промышленных предприятий. Патриотические погромы сменялись коленопреклонением перед царским дворцом. Даже мелкобуржуазное студенчество, гордившееся своими «левыми» традициями, стояло на коленях перед Зимним дворцом, восторженно крича «ура» «обожжаемому» монарху. Шовинистический угар густой пеленой окутал страну»³⁹.

Газета «Петербургский листок» от 22 июля 1914 г. с нескрываемой симпатией описывала разгром германского посольства в Петрограде.

«После состоявшегося 22 июля митинга на Невском проспекте огромная толпа манифестантов с флагами и портретами обожяемого Монарха направилась к германскому посольству. По пути манифестанты бросили несколько камней в редакцию немецкой газеты «Цейтунг» и в расположенный под ней немецкий магазин. С ресторана «Вена» на улице Гоголя манифестанты сняли флаги с подъезда.

У германского посольства их встретил большой отряд жандармов и конных городских, пытавшихся сдерживать толпу, но из их усилий ничего не выходило. С криками «ура» и «долгой немцев» толпа прорвала цепь полиции и проникла к зданию германского посольства. В окна посольства посыпались камни. Двери и ворота были вскоре сломаны. Манифестанты бросились на крышу. Дружными усилиями они свалили германский герб и сорвали германский флаг. На флагштоке взвился русский флаг.

После этого манифестанты перенесли свои действия во внутренние помещения посольства. В посольских комнатах начался форменный разгром. В самый разгар разгрома к посольству на автомобиле прибыл новый петербургский градоначальник генерал-майор князь Оболенский со своим помощником генерал-лейтенантом Вендорфом.

Многотысячная толпа беспрепятственно пропустила их к зданию посольства, но разойтись решительно отказалась. Все усилия градоначальника оттеснить толпу при помощи жандармов и полиции ни к чему не привели. Толпа все увеличивалась. Народом была занята вся площадь перед посольством, Исаакиевский сквер, Мариинская и Исаакиевская площади. На место происшествия были вызваны пожарные».

Несмотря на свойственное российскому руководству «шапкозакидательство» и иллюзорную уверенность в «неминуемой победе», очень скоро выяснилось, что не только в Действующей армии не хватает винтовок и боеприпасов, но и в Министерстве иностранных дел нет людей, способных решать задачи военного времени. Вопреки надвигавшейся трагедии мирового кризиса подавляющее число сотрудников загранучреждений, расположенных в Европе, находились в летних отпусках. Оставшиеся на рабочих местах дипломаты были более компетентны в политических вопросах, но совершенно не знали консульской работы и не привыкли работать с «простыми людьми». Между тем с первых же дней войны перед российским внешнеполитическим ведомством встала задача оказания срочной практической помощи значительной массе людей, застигнутых войной за рубежом. О масштабах этой проблемы говорит тот факт, что лишь на территории Германии в момент войны находилось свыше сорока тысяч российских подданных.

Начавшаяся война расширила и усложнила внешнеполитические задачи, резко увеличив нагрузку как на центральный аппарат МИД, так и на его загранучреждения. Это потребовало очередной структурной перестройки ведомства.

25 июля 1914 г. при Ставке Верховного главнокомандующего создали Дипломатическую канцелярию для установления более тесной связи между МИДом и Действующей армией. Ее возглавил князь Николай Александрович Кудашев⁴⁰. Новый орган подчинялся непосредственно начальнику Штаба Верховного главнокомандующего. В задачу Канцелярии входило осведомление Штаба «по всем вопросам круга ведения Министерства иностранных дел,

имеющим касательство к ведению войны», а также сообщение министерству «всех сведений, имеющихся в Штабе по вопросам, соприкасающимся с кругом ведения означенного министерства». В функции Дипломатической канцелярии входила, в том числе, переписка «по вопросам международного права, по вопросам, касающимся иностранных государств и подданных, и вообще по вопросам международного характера, возникающим на театре войны или связанным с деятельностью, задачами или нуждами армии»⁴¹.

26 июля 1914 г. при Втором департаменте МИД учреждается «Бюро для наведения справок о русских подданных, застигнутых войной в западноевропейских государствах, не состоящих с нами в войне»⁴². Новое подразделение МИД координировало работу по розыску лиц, оказавшихся в этот период вне России. Вскоре его расширяют и преобразовывают в Справочный стол о российских подданных, оставшихся на территории неприятельских стран, созданный при посольстве Испании в Петрограде.

Выбор испанского посольства не случаен – 7 августа 1914 г., через неделю после начала общеевропейского конфликта Испания заявила о своем нейтралитете. Одновременно она сообщила, что готова принять на себя миссию защиты граждан воюющих стран, оказавшихся на территории противника. С этого времени и почти до конца войны испанские посольства в Берлине и Вене представляли интересы России.

Директором Справочного стола назначили Ю.Я. Соловьева, бывшего в тот период временным поверенным в делах России в Испании и находившегося летом 1914 г. в отпуске в Петрограде.

В силу малочисленности испанского посольства (посол и два секретаря) оно не могло справиться с новыми задачами своими силами. Соловьеву удалось за несколько дней набрать довольно большой штат сотрудников – около двенадцати человек, которые заняли две комнаты в посольстве Испании и вели прием посетителей. С первых же дней работа Справочного стола приобрела авральный, ненормированный характер. По воспоминаниям Ю.Я. Соловьева, за справками обращалось по несколько сот человек в день⁴³. Начальник Справочного стола получил от министра широкие полномочия, вплоть до отправки ответов за его подписью на многочисленные письма и телеграммы, поступавшие в МИД с запросами о судьбе русских граждан, застигнутых войной в Германии и Австро-Венгрии. Справочный стол оперативно наладил составление и публикацию списков застигнутых войной за границей русских подданных⁴⁴. Первые три бюллетеня были разосланы 24 сентября директором Второго департамента МИД А.К. Бентковским⁴⁵ губернаторам и градоначальникам России.

Вскоре Справочному столу передали дополнительные функции, связанные с переводом денег русским, задержанным в воюющих с Россией странах. Это было связано с поручением правительства МИДу взять на себя ответственность за российских граждан, оказавшихся за границей или задержанных в воюющих странах, и за российских военнопленных.

Через созданный в этих целях при Первом департаменте МИД Отдел денежных переводов и ссуд должны были поступать в зарубежные представительства МИД денежные средства в виде ссуд и материальных пособий, а также отправляться денежные переводы по льготному

обменному курсу лицам, оказавшимся в неприятельских странах и на оккупированных территориях⁴⁶.

На Отдел возлагались следующие основные функции:

«1. Денежные переводы по льготному курсу от частных лиц нуждающимся русским гражданам, оставшимся по обстоятельствам военного времени в Германии, Австро-Венгрии, Бельгии, Турции, Болгарии и занятых неприятелем местностях России, а также в исключительных случаях (тяжкой болезни, невозможности вернуться на родину и т. д.) в Швейцарию. Ввиду ограниченности отпускаемой валюты отдел принимал для перевода лишь до 100–150 рублей на одно лицо и до 200–300 на семью, при этом не более одного раза в месяц. Деньги переводились по телеграфу через испанские посольства в Берлине и Вене, испанскую миссию в Брюсселе и нидерландские миссии в Константинополе и Софии.

2. Выдача ссуд и пособий неимущим русским гражданам, оставшимся за границей по обстоятельствам военного времени и не имеющим возможности возвратиться на родину. Ссуды, подлежащие возмещению, выдаются нашими заграничными установлениями лишь в тех случаях, когда получатели представляют достаточные гарантии возможности впоследствии их возместить. На одно лицо выдается ежемесячно до 300 рублей. Выдача пособий ограничена месячным сроком до поиска лицами, хотя и нуждающимися, но трудоспособными, заработка; более крупные пособия выдавались лишь в самых исключительных случаях безусловной нужды, болезни и неспособности к труду.

3. Помимо переводов денег по льготному курсу от частных лиц за границу на Отдел возложили операции по переводу денег различным комитетам и организациям благотворительного характера, находящимся как в неприятельских странах и оккупированных местностях, так и в дружественных и нейтральных государствах. Переводы эти имеют целью оказание помощи русским военнопленным и бедствующему населению оккупированных местностей и поступают главным образом от Центрального комитета о военнопленных при Российском обществе Красного Креста и от других благотворительных организаций – русских, польских, литовских и еврейских.

На производство перечисленных операций Министерство иностранных дел было уполномочено особыми постановлениями Совета министров от 28 июля и 14 августа 1914 г. На первоначальные расходы выделено 750 тыс. рублей»⁴⁷.

В последующем Отдел стал отвечать и за составление сводок отчетности за предоставленные ссуды и различного рода пособия.

В рамках вынужденной реорганизации 7/20 ноября 1914 г. в министерстве создали рассылную часть «для развозки и доставки по назначению отправляемых центральными установлениями МИД всякого рода служебных пакетов, посылок и телеграмм».

В последующем (8/21 декабря 1915 г.) в связи с возросшим объемом переписки по делам о военнопленных по распоряжению министра был создан временный Особый отдел о военнопленных во главе с бывшим министром-резидентом в Дармштадте Сергеем Дмитриевичем Боткиным.

Первая мировая война привела к возникновению нового социально-политического понятия глобального масштаба – беженцы. Сотни тысяч людей оказались вынужденными бросить родные места, спасаясь от нашествия озлобленных, находящихся в шовинистическом угаре полчищ захватчиков. В ходе предшествующих вооруженных конфликтов перемещений подобного масштаба не наблюдалось. Новая ситуация заставила правительства европейских стран, не только втянутых в военный конфликт, но и нейтральных, принимать срочные меры.

Согласно утвержденному 14 сентября 1914 г. положению о Комитете великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий, беженцы начали получать материальную помощь эпизодического характера.

С момента образования и вплоть до августа 1915 г. «Татьянинский комитет» (великая княжна Татьяна занимала пост почетной председательницы) являлся центральным органом по защите беженцев в России. Он пользовался правительственной поддержкой и широкими государственными субсидиями.

Дополнительные поступления давали всероссийские сборы пожертвований и частные взносы. Комитет учредил губернские отделения во главе с местными губернаторами на прифронтовой территории, а затем и по всей стране, превратившись в крупнейшую общественную благотворительную организацию по оказанию помощи беженцам. «Татьянинский комитет» и его отделения выполняли важные координационные функции в центре и на местах, имея в своем составе представителей всех заинтересованных сторон, занятых беженским делом, и тратя больше половины средств на финансирование других беженских организаций, включая национальные общества. К содействию беженцам привлекались также местная администрация и органы самоуправления, Красный Крест и военное ведомство, многочисленные благотворительные организации, из которых наиболее активно работали польские общества и Комитет помощи жертвам войны евреям.

Все это происходило внутри России, а вне ее, за ее пределами, вся тяжесть работы с беженцами легла на заграничные представительства Министерства иностранных дел.

Посольство Германии в Санкт-Петербурге

Посольство Австро-Венгрии в Санкт-Петербурге

Сергей Николаевич Сербеев (13 апреля 1857, Москва – 4 апреля 1922, Берлин) – последний императорский посол в Германии в 1912–1914 гг. После революции эмигрировал в Берлин

Алексей Алексеевич Брусилов (19 августа 1853, Тифлис – 17 марта 1926, Москва) – главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта (1916 г.)

Князь Феликс Феликсович Юсупов, граф Сумароков-Эльстон (11 марта 1887, Санкт-Петербург – 27 сентября 1967, Париж) – русский офицер, патриот-монархист, общественно-политический и церковный деятель, меценат, публицист. После Октябрьской революции уехал с семьёй в Крым, откуда на борту линкора «Мальборо» выехал на Мальту. На средства, вырученные от продажи фамильных драгоценностей и двух полотен Рембрандта, Юсуповы купили дом в Париже

Лев Давидович Троцкий (при рождении Лейба Давидович Бронштейн; 26 октября 1879, Украина – 21 августа 1940, Койокан) – народный комиссар по иностранным делам РСФСР 8 ноября 1917 – 13 марта 1918 гг.

Николай Николаевич Шебеко (3 июля 1863 – 21 февраля 1953, Ментона, Франция) – посол России в Австро-Венгрии в 1913–1914 гг. Во время Гражданской войны в России, в составе Добровольческой армии в 1920 г. эмигрировал во Францию

Барон Карлос Матиас Людвиг Константин фон Буксгевден (нем. Karlos Matthias Ludwig Konstantin Freiherr von Buxhoeveden; 2 марта 1856, Дерпт – 4 августа 1935, Брюссель) – посол Российской империи в Дании 1910 – 3 марта 1917 гг.

Вдовствующая императрица Мария Фёдоровна (Феодоровна) (при рождении Мария София Фридерика Дагмар (Дагмара), дат. Marie Sophie Frederikke Dagmar; 14 ноября 1847, Копенгаген – 13 октября 1928, Копенгаген) – супруга Александра III, мать императора Николая II

Глава 2

Депортация российских дипломатов из воюющих стран

В августе 1914 г. мир еще не знал, насколько грандиозной и катастрофичной станет объявленная в первый день последнего летнего месяца война. Никто не предполагал, какие неисчислимы жертвы, бедствия и потрясения принесет она человечеству и какой неизгладимый след оставит в его истории. И уж совсем никто не представлял, что именно тем страшным четверем годам Первой мировой – как она будет названа впоследствии, – суждено завершить существование четырех могущественных империй – Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской.

Как справедливо отмечает британский историк сэр Мартин Гилберт: «Никто не хотел, чтобы эта война началась, но в результате сплетения обстоятельств, которые могут показаться случайными, она оказалась неотвратимой. Участники разгоравшегося конфликта верили, что война не продлится долго и к Рождеству 1914 г. завершится их полной победой, но перемирие было подписано только четыре с лишним года спустя, в ноябре 1918-го. Первая мировая война привела к неисчислимым страданиям и жертвам на фронтах и в тылу, к эпидемиям, геноциду, распаду великих империй и революциям. Она изменила судьбы мира и перекроила его карты. Многие надеялись, что эта война, которую называли Великой, станет последней в истории, но она оказалась предтечей еще более разрушительной Второй мировой»⁴⁸.

В кровавую бойню оказались втянутыми 38 стран с населением 1,5 млрд человек (75 % жителей земного шара); численность действующих армий превысила 29 млн; количество мобилизованных составило 77 млн. В результате доселе невиданных по масштабам боевых действий погибли и оказались искалеченными десятки миллионов людей, разрушениям подверглось немыслимое количество всего того, что создало человечество на протяжении не одной сотни лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.